

Никита сидел на татами в позе сэйдза* и глядел на зернышки риса. Слегка приоткрыв рот, он выглядел весьма удивленным. Тот был довольно "грязным", если можно так выразиться. Все же порой ему стоило не пропускать память поглощенных демонов, которая касалась быта в их человеческой жизни...

- Что-то случилось, Ками-сама? - Взволнованно спросил знакомый старик, а вслед за ним всполошилась и старушка. - Вам не нравится еда?

Тот был уже здоровым и выглядел даже бодрым. Не скупясь после "похвалы", юноша решил помочь заодно и самому взрослому мужчине из этой семьи. Не стоило и упоминать, насколько горячи были благодарности жены этого человека и его самого. Те решили накормить доброго "Бога", демонстрируя свою благодарность. Смотря в эти мутные старческие глаза, создавалось впечатление, что у пожилой пары можно было попросить практически что угодно, и то они сделают без каких-либо сомнений.

Хоноровский слегка поджал губы, когда его щеки едва-едва покраснели. Все же подобное было несколько неловким и непривычным. По крайней мере, проживая свои недолгие годы в России, он никогда не сталкивался с таким уважительным отношением. С какого-то момента взрослые, само собой, начинали общаться с ним на "Вы", но то происходило только при определенных обстоятельствах. Это уже не говоря о старичках, большинство из которых в той же России никакого уважения к молодежи не питали. Даже формального.

- Нет, мне все нравится. - Вопреки некоторым сомнениям, он ответил отрицательно. - Просто я впервые вижу рис такого цвета.

- Это неудивительно, Ками-сама. - Мужчина приподнял морщинистые уголки губ в легкой улыбке. - Все же Вы не могли есть ничего другого, кроме чистого риса.

- "Чистый"? - Оторвав взгляд от глиняной чашки, Никита недоуменно вскинул бровь.

- Чистым рисом зовется полностью белый. - Понимающе покивал он. - Его у нас ест только знать и сам император Тайсё-сама...

Скептически разглядев почтительное лицо старца, подросток краем глаза пробежался и по даме. Та сидела молча весь прием пищи, не задавая никаких вопросов, но с недюжинным любопытством разглядывая физиономию Хоноровского. Гладкую, чистую, идеально ухоженную. Совсем не японский разрез глаз тоже был довольно интересен в свете происходящего. Стоило заметить этот интерес, как она тут же отвела свой взор в легком испуге.

"Стесняется, что ли...?" - Определенно не каждый день к тебе приходит "Божество", исцеляющее твою же родню за, фактически, "спасибо".

Довольно ловко зацепив деревянными палочками ломтик сырой бледноватой рыбки, парень мокнул ту в маленькую пиалу с соевым соусом, а потом закинул себе в рот. Как же это приятно - вновь ощутить вкус еды. Действительно, он не брал в рот ни куска чего бы то ни было, в привычном понимании, с самого своего появления Здесь. С большой буквы.

Еще в новинку был сам вкус еды. Все же всю гамму ощущений от пищи чужая память передать

не способна, а потому здешняя кухня была для идеального воплощения вируса воистину необычна. Не вкуснее и не хуже стандартных для него супов или выпечки, а просто необычна. А вот такой вкусный рис его мать варить не умела...

- Очень вкусно. - Откровенно признался он, пережевывая рыбу и липковатые зёрна.

- Благодарим Вас за похвалу, Kami-sama. - В очередной раз склонившись в догэдза, супруги выразили свою признательность.

А вот Никита лишь еще раз сдержал усталый вздох. Такое отношение было несколько неприятным, потому как сам подросток полагал, что вот так вот общаться с людьми не стоит. Хотя он своих комментариев с мнением по этому поводу решил не вставлять. В чужой монастырь со своим уставом лезть не стоит, как говорится.

И все же первые мгновения гордыни уже схлынули, а на душе остался только легкий осадок и смесь различных чувств. На него смотрели таким взглядом, каким евреи наверняка глядели на Моисея. В общем, ожидали чудес. В местном фольклоре каждое прибытие богов на земли смертных сопровождалось какой-нибудь чехардой.

Кагуцути, например, после своей смерти от рук собственного отца, превратился в вулканы. Восемь частей его тела, если быть точнее. А из каждой капли его пламенной крови рождалось новое божество. Хоноровский, конечно, показал чудеса, круче которых были разве что подвиги Иисуса из Библии, но дуэт ожидал чего-то еще. Не настаивал, само собой, но точно не отказался бы. И что ему с ними делать?

После периода долгой охоты на демонов юноша совсем не хотел покидать место обитания людей на продолжительный срок. Он утомился от рутины, ему хотелось чьей-нибудь компании. Нормальной, а не убийственной, которую о'ни были совсем не против ему организовать.

Прямо как сейчас. Совершив для них некоторое доброе дело, подросток к ним слегка привязался. Не так, чтобы он плакал при расставании, разумеется. Он просто уже после нескольких часов ухода начал бы ностальгировать и по этой чашке риса, и по самим старикам.

Довольно необычное чувство, которое можно ощутить только после долгого социального "голодания". Интересно, можно ли как-нибудь решить эту дилемму...?

Сэйдза (яп. 正座, букв. «правильное сидение») — японский термин для обозначения одного из традиционных способов сидения на полу. Помимо чисто утилитарного значения поза сэйдза имеет зачастую и церемониальный смысл, во многом зависящий от общественного положения, возраста и пола сидящего.

<http://tl.rulate.ru/book/68234/2099423>